

Крестик
Нолик

Виктор
Толявкин

Карусель в голове

Крестики-нолики

Виктор Голявкин

Карусель в голове (сборник)

«РОСМЭН»

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Голявкин В. В.

Карусель в голове (сборник) / В. В. Голявкин — «Росмэн»,
— (Крестики-нолики)

ISBN 978-5-353-08410-5

В сборник вошли самые известные рассказы замечательного детского писателя Виктора Голявкина (1929–2001): «Тетрадки под дождем», «Карусель в голове», «Пара пустяков», «Сплошные чудеса» и многие-многие другие. Герои этих веселых, ироничных и добрых рассказов – обычные мальчишки и девчонки. Они то и дело попадают в забавные переделки, но никогда не унывают и всегда готовы прийти на помощь друзьям.

УДК 821.161.1-32-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08410-5

© Голявкин В. В.

© Росмэн

Содержание

Тетрадки под дождём	7
Яндреев	10
Я пуговицу себе сам пришил!	12
Как я под партой сидел	13
Передвижение комода	14
Болтуны	16
Как мы на самолёте летали	17
Лукьян	20
Язык	21
Как я помогал маме мыть пол	22
Новая рубашка	24
Неохота всё время пешком ходить	25
Был не крайний случай	27
Моя работа	29
Никакой я горчицы не ел	30
Пара пустяков	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Голявкин

Карусель в голове (сборник)

© В. Голявкин, наследники, текст, 2017

© В. Минеев, иллюстрации, 2017

© Состав, макет. ООО «РОСМЭН», 2017

* * *

Тетрадки под дождём

На перемене Марик мне говорит:

- Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!
- А вдруг тётя Даша задержит с портфелями?
- Нужно портфели в окно побросать.

Глянули мы в окно: возле самой стены сухо, а чуть подальше – огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спустили на них портфели. В это время звонок зазвенел. Учитель вошёл. Пришлось сесть на место. Урок начался. Дождь за окном полил.

Марик записку мне пишет:

«Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю:

«Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет:

«Что делать будем?»

Я ему отвечаю:

«Что делать будем?»

Вдруг вызывают меня к доске.

– Не могу, – говорю, – я к доске идти.

«Как же, – думаю, – без ремня идти?»

– Иди, иди, я тебе помогу, – говорит учитель.

– Не надо мне помогать.

– Ты не заболел ли, случайно?

– Заболел, – говорю.

– А с домашним заданием как?

– Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

– А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

– Что с тобой происходит?

Я молчу.

– Придётся тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождём.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

– Какой-то ты сегодня странный...

Яндреев

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно – он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю – никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал. Прихожу в класс, заявляю ребятам:

– Я теперь не Андреев. Я теперь Яндреев.

– Мы давно знаем, что ты Андреев.

– Да нет, – говорю, – не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается – Яндреев.

– Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

– У кого, – говорю, – не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

– Удивительно, – говорит Вовка, – почему ты вдруг Яндреевым стал!

– Ещё увидите, – говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

– У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале изменить, чтобы я на «Я» начинался?

– Что за фокусы? – говорит Александра Петровна.

– Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

– Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

Я пуговицу себе сам пришил!

Я пуговицу себе сам пришил. Правда, я её криво пришил, но ведь я её сам пришил! А меня мама просит убрать со стола, как будто бы я не помог своей маме, – ведь пуговицу я сам пришил! А вчера вдруг дежурным назначили в классе. Очень мне нужно дежурным быть! Я ведь пуговицу себе сам пришил, а они кричат: «На других не надейся!» Я ни на кого не надеюсь. Я всё сам делаю – пуговицу себе сам пришил...

Как я под партой сидел

Только к доске отвернулся учитель, а я раз – и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать у всех, куда я делся, – вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я всё сижу.

«Когда же, – думаю, – он увидит, что меня в классе нет?»

А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я – никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да ещё Серёжка мне в спину ногой всё время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю:

– Извините, Пётр Петрович...

Учитель спрашивает:

– В чём дело? Ты к доске хочешь?

– Нет, извините меня, я под партой сидел...

– Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

Передвижение комода

Маше семь лет. Она ходит в школу в первый класс и учится на отлично. Её ставят в пример как лучшую ученицу. А однажды вот что случилось. Она не выучила урока и вообще ничего не могла ответить. Весь класс пришёл в удивление, и все мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

Учитель строго взглянул на неё.

– Объясни мне, что это значит?

Маша заплакала и объяснила всё по порядку:

– У нас большое несчастье. Мама передвигала комод. А братик сидел на полу. Он крутил волчок. Волчок закатился под комод. Братик полез за волчком. И мама ему прищемила живот. Братика увезли в больницу. Все плакали очень сильно, и я не могла учить урок.

Мальчики и девочки подумали: «Вот это да!» А учитель сказал:

– Раз такое дело, это совсем другое дело. – И погладил Машу по голове.

Прошло несколько дней. Учитель встретил Машину маму. Он ей говорит:

– У вас такое несчастье. Вы придавили сына комодом. Мы все вам сочувствуем.

– Что вы, что вы! – сказала мама. – У меня нет ни комода, ни сына. У меня только дочка.

Болтуны

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошёл учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

- Это я, – сказал он. – Похоже?
- Нисколько, – ответил Юра, – у тебя не такие уши.
- А какие же у меня уши?
- Как у осла.
- А у тебя нос – как у бегемота.
- А у тебя голова – как еловая шишка.
- А у тебя голова – как ведро.
- А у тебя во рту зуба нет...
- А ты рыжий.
- А ты селёдка.
- А ты вуалехвост.
- А что это такое?
- Вуалехвост – и всё.
- А ты первердер...
- Это ещё что значит?
- Значит, что ты первердер.
- А ты дырбыртыр.
- А ты выртырвыр.
- А ты rrrrrrrr...
- А ты zzzzzzz...
- А ты... ы! – сказал Юра и увидел рядом учителя.
- Хотел бы я знать, – спросил учитель, – кто же всё-таки вы такие?

Как мы на самолёте летали

Приезжаем на аэродром. Нас шефы-лётчики пригласили.

Весь класс наш в один самолёт уместился. Прямо дом, а не самолёт! Хочешь – седи, хочешь – стой, что хочешь делай! Валерка петь стал. Только когда загудел самолёт, он почему-то вдруг перестал петь.

– Летим уже? – спрашивает. – Или нет?

Кто-то как закричит:

– Летим! Летим!

– Я боюсь, – говорит Валерка. – Зачем я только в кино не пошёл! – И зубами стучит.

Я ему говорю:

– С непривычки это бывает.

– А ты раньше летал? – спрашивает Валерка.

– Я на катере ездил. А это почти что одно и то же. Мы с отцом с катера рыбу ловили.

Вдруг выходит к нам лётчик. Улыбается, спрашивает:

– Ну как?

Валерка как заорёт:

– Ой, идите за руль! Самолёт упадёт! – И заплакал.

Лётчик смеётся:

– Не беспокойся. Там ведь ещё лётчик есть.

Валерка перестал плакать.

– Эх ты, плакса! – говорит лётчик. – Девочки на тебя смотрят.

Катя услышала и говорит:

– Мы на него совсем не смотрим. Мы в окно смотрим.

А лётчик не отстаёт:

– Они даже смотреть на тебя не хотят; эх ты, трусишка!

Мишка Колосов говорит:

– Чудак Валерка. Сначала пел, а потом стал бояться.

Лёнька Скориков говорит:

– Это он, наверное, от страха пел.

Тут самолёт на снижение пошёл.

Вышли мы из самолёта.

– Эх, – говорит Валерка, – хорошо бы ещё покататься.

– Вот и прекрасно, – улыбается лётчик, – сейчас будем на вертолёте кататься.

Я обернулся – нет Валерки.

– Где Валерка? – спрашивают ребята.

Наверное, он в кино пошёл!..

Лукьян

Катю вызвали отвечать урок, а Маша в окно засмотрелась. Катя подсказку ждёт, а Маша видит собаку Лукьяна и говорит тихо, вслух:

– Лукьян...

Катя думала, ей подсказали, и повторяет:

– Лукьян...

– При чём тут Лукьян?! – удивился учитель.

Учитель сердито смотрит на Катю.

Катя сердито смотрит на Машу.

А Маша спокойно смотрит в окно.

Язык

Ребята работали. А Петя сел на ступеньку. И так сидел. Очень нужно работать!
Но сидеть надоело.
Он кошку увидел.
Поймал её.
Показал кошке шиш, посвистел кошке в ухо, подул на неё, скорчил несколько рож, спел
три песни, язык показал.
Она его цап лапой по языку!
Он сразу петь перестал.
Заорал, кошку выпустил и помчался к ребятам...
Лучше поздно, чем никогда!

Как я помогал маме мыть пол

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. «Не получится, – говорит, – у тебя...»

– Посмотрим, как не получится!

Трах! – опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобнее мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три – и всё дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придётся ещё ведро воды на пол вылить. Вылил ещё ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру – ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешишь, всё плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придётся теперь с насосом повозиться.

Тут мама в комнату входит.

– Что такое, – кричит, – почему вода?

– Не беспокойся, мама, всё будет в порядке. Надо только насос починить.

– Какой насос?

– Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Всё оказалось так просто. А мама мне говорит:

– Ничего. Ты мне всё же помог.

Новая рубашка

Хотя на дворе мороз и снег, я расстегнул пальто на все пуговицы и заложил за спину руки. Пусть все видят мою рубашку, которую мне сегодня купили!

Я ходил по двору взад-вперёд, поглядывая на окна. Шёл с работы мой старший брат.

– О, – сказал он, – какая прелесть! Только смотри не простудись.

Он взял меня за руку, привёл домой и надел мне рубашку поверх пальто.

– Теперь гуляй, – сказал он. – Какая прелесть!

Неохота всё время пешком ходить

Неохота всё время пешком ходить. Прицепился сзади к грузовику и еду. Вот и школа за поворотом. Только вдруг грузовик быстрее пошёл. Будто нарочно, чтоб я не слез. Школу уже проехали. У меня уже руки держаться устали. И ноги совсем затекли. А вдруг он так целый час будет мчаться?

Пришлось в кузов забраться. А в кузове мел был какой-то насыпан. Я в этот мел и упал. Такая пыль поднялась, что я чуть не задохся. Сажусь на корточках. За борт машины держусь руками. Трясёт всюду! Боюсь, шофёр меня заметит – ведь сзади в кабине окошечко есть. Но потом понял: он не увидит меня – в такой пыли трудно меня увидеть.

Уже за город выехали, где дома новые строят. Здесь машина остановилась. Я сейчас же выпрыгнул – и бежать.

Хотелось всё же в школу успеть, несмотря на такой неожиданный поворот дела.

На улице все на меня смотрели. Даже пальцем показывали. Потому что я весь белый был. Один мальчишка сказал:

– Вот здорово! Это я понимаю!

А одна девочка маленькая спросила:

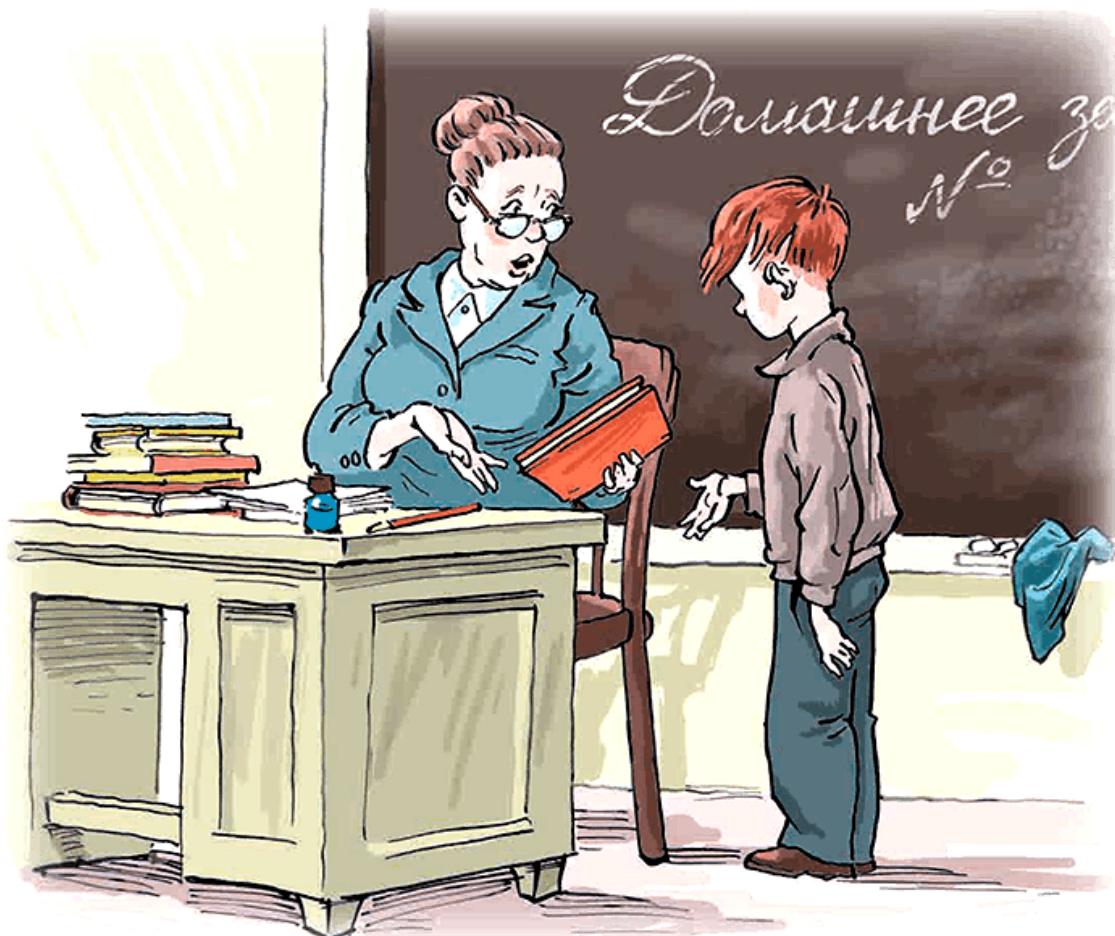
– Ты настоящий мальчик?

Потом собака чуть не укусила меня...

Не помню уж, сколько я шёл пешком. Только к школе когда подходил, все из школы уже выходили.

Был не крайний случай

В классе все пересказ писали, а я, как назло, в этот день заболел. Через пять дней только явился в школу.

Анна Петровна сказала мне:

– Вот возьми домой книжку, прочти её и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти. – А если я не запомню?

– Пиши, как запомнишь.

– А третий раз ни за что нельзя?

– В крайнем случае – можно.

Пришёл я домой. Прочёл два раза. Как будто запомнил. Забыл только, как слово «окно» писать – через «а» или «о». А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Или это не крайний случай? Наверное, это не крайний случай. Ведь в основном я всё запомнил. Спрошу-ка я лучше у папы, можно мне заглянуть в третий раз или нет.

– Этот случай не крайний, – сказал папа. – Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило.

Правило я забыл. Пришлось наугад писать.

Анна Петровна прочла рассказ.

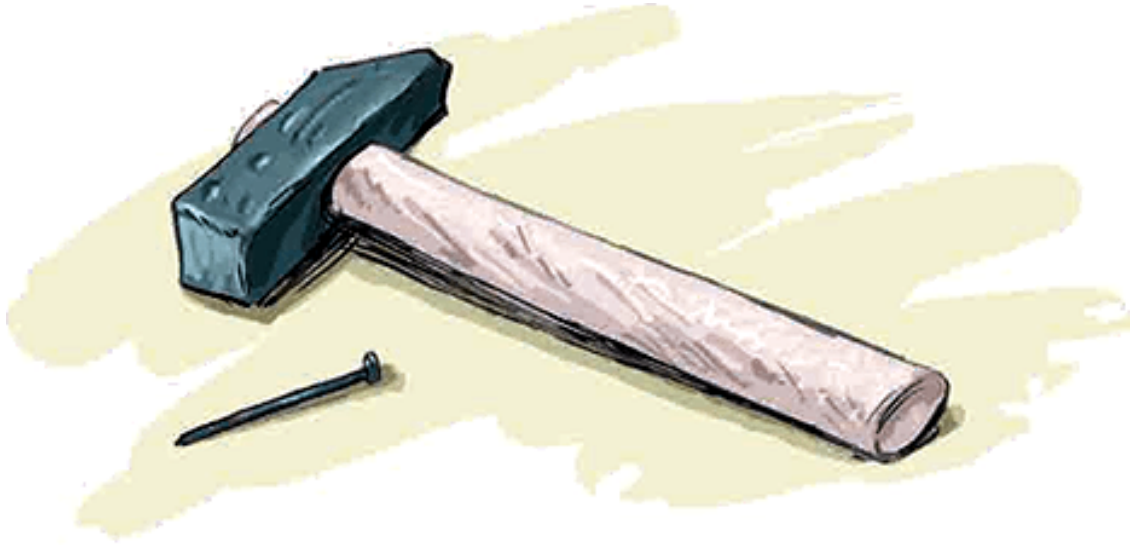
– Что же ты слово «окно» через «а» написал?

Я говорю:

– Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

Моя работа

Старший брат мастерил приёмник, а младший ходил вокруг и мешал.

– И я работать хочу, – просил он.

– Вот пристал, – сказал старший брат. – На тебе молоток и гвоздь.

Младший нашёл кусок фанеры и приступил к работе.

Тук-тук-тук – вся фанера в дырках! Даже вся табуретка в дырках. Даже в пальце чуть-чуть не сделал дырку.

– А ну-ка, – сказал старший брат, – дай сюда. – И прибил фанеру к приёмнику.

– Вот и всё, – сказал старший брат, – готов приёмник.

Младший вышел во двор и привёл ребят.

– Это я сделал. Моя работа!

– Весь приёмник сделал?

– Не весь, конечно, но главную часть. Без неё приёмник бы не работал.

Никакой я горчицы не ел

Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел. Весна. Солнышко. Птички поют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой – сразу выгонят. А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошёл. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.

Смотрю – машина стоит, шофёр что-то в моторе смотрит. Я его спрашиваю:

– Поломалась?

Молчит шофёр.

– Поломалась? – спрашиваю.

Он молчит.

Я постоял, постоял, говорю:

– Что, поломалась машина?

На этот раз он услышал.

– Угадал, – говорит, – поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.

– Да я... не умею...

– Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам.

Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошёл.

Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу ближе. Прислушиваюсь. Один говорит:

– Как с патентом?

Другой говорит:

– Хорошо с патентом.

«Что это, – думаю, – патент? Никогда я про него не слышал». Я думал, они про патент ещё скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать.

Один заметил меня, говорит другому:

– Гляди-ка, парень как рот раскрыл. – И ко мне обращается: – Что тебе?

– Мне ничего, – отвечаю, – я просто так...

– Тебе нечего делать?

– Ага.

– Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?

– Вижу.

– Пойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.

– Как это?

– А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его.

И смеются оба.

Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.

– Не смешно, – говорю, – а вы смеётесь.

Они как будто не слышат.

Я опять:

– Не смешно совсем. Что вы смеётесь?

Тогда один говорит:

– Мы совсем не смеёмся. Где ты видишь, что мы смеёмся?

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись. Значит, я опоздал немножко...

О! Метла у стены стоит. И никого рядом нету.

Дворник вдруг из ворот выходит:

– Не тронь метлу!

– Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

– А не нужно, так не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти ещё рано. Уроки ещё не кончились. Ходить по улицам скучно. Ребят никого не видно.

На леса строительные залезть?! Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

– Куда лезешь? Эй!

Смотрю – нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься – опять:

– А ну слезь!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

– Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Я чуть с лестницы не скатился.

Перешёл на ту сторону улицы. Наверх, на леса, смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А издали всё увидел – рабочие на лесах штукатурят, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Всё равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Ещё круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

– Плати, мальчик, снова.

– У меня больше денег нету. Только три копейки было.

– Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

– Ой, мне далеко пешком идти!

– А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошёл?

– Откуда вы знаете?

– Я всё знаю. По тебе видно.

– А чего видно?

– Видно, что в школу ты не пошёл. Вот что видно. Из школы ребята весёлые едут. А ты как будто горчицей объелся.

– Никакой я горчицы не ел...

– Всё равно сходи. Прогульщикова я не вожу бесплатно. – А потом говорит: – Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай.

Но я всё равно сошёл. Неудобно как-то.

Место совсем незнакомое. Никогда я в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле шагают. Зачерпывают ковшиками землю и в сторону сыплют. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да ещё землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

– В ковш хочешь попасть?

Я обиделся.

– Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я весёлый. И совсем мне не скучно. Чтоб он не догадался, что я не был в школе.

Он посмотрел на меня удивлённо:

– Ты что?

– А что?

– Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я ещё больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

– Что с тобой?

– А чего?

– Что ты мне рожи строишь?

– На экскаваторе покатайте меня.

– Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая.

На ней люди работают. Ясно?

– Я тоже, – говорю, – хочу на нём работать. Он говорит:

– Эге, брат! Учиться надо!

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал.

А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются.

Но почему мне так скучно?

Пара пустяков

Как только учебный год кончился, весь класс во дворе собрался. Обсуждали, что будут летом делать. Все разное говорили. А Володя сказал:

– Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет, оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провёл время.

Все закричали:

– Правильно! Правильно!

На том и порешили.

Разъехались все кто куда. Клим в деревню поехал. Он там сразу письмо написал – пять страниц.

Он написал:

Я в деревне спасал тонущих. Они все остались довольны. Один спасённый мне сказал: «Если б не ты, я бы утонул». А я ему сказал: «Для меня это пара пустяков». А он сказал: «А для меня не пара пустяков». Я сказал: «Конечно, для тебя не пара пустяков, а для меня пара пустяков». Он сказал: «Спасибо тебе большое». Я сказал: «Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков».

Я спас человек пятьдесят или сто. Даже, может быть, больше. А после они перестали тонуть, и спасать стало некого.

Тогда я увидел лопнувший рельс. И остановил целый поезд. Люди выбежали из вагонов. Они обнимали меня и хвалили. А многие целовали. Многие просили мой адрес, и я им давал свой адрес. Многие дали свои адреса, и я брал с удовольствием их адреса. Многие мне предлагали подарки, но я

сказал: «Только, прошу вас, без этого». Многие меня фотографировали, со многими я фотографировался, многие мне предлагали ехать сейчас же с ними, но бабушку я не мог оставить. Я ведь не предупредил её!

Потом я увидел горящий дом. Он горел вовсю. А дыму было сколько угодно.

«Вперёд! – сказал я сам себе. – Непременно там кто-нибудь есть!»

Кругом меня падали балки. Несколько балок упало сзади меня, а несколько – впереди. Несколько балок упало сбоку. Одна балка упала мне на плечо. Две или три балки упали с другого бока. Пять балок упало мне прямо на голову. Несколько балок ещё где-то упало. Но я не обращал внимания. Я рыскал по всему дому. Но никого, кроме кошки, там не было. Я выбежал с кошкой на улицу. Хозяева дома были тут. В руках они держали арбузы. «Спасибо за Мурку, – сказали они. – Мы только что из продмага». Они дали мне один арбуз. Потом все тушили дом...

Потом я увидел старушку. Она переходила улицу. Я сейчас же пошёл ей навстречу. «Разрешите, пожалуйста, – сказал я, – перевести вас на другую сторону». Я перевёл её на ту сторону и вернулся обратно. Подошли ещё старушки. Их тоже я перевёл на ту сторону. Некоторым старушкам не нужно было на ту сторону. Но я говорил: «Пожалуйста, я переведу вас туда и обратно. И вы снова будете на этой стороне».

Они все говорили мне: «Если бы не ты, мы не перешли бы». А я говорил: «Для меня это пара пустяков».

Две или три старушки не хотели переходить. Они просто сидели на лавочке. И смотрели на ту сторону. Когда я спросил, не нужно ли им на ту сторону, они сказали: «Нам туда не нужно». А когда я сказал, почему бы им не прогуляться, они сказали: «Действительно, почему бы нам не прогуляться?» Я их всех перевёл на ту сторону. Они там сели на лавочку. Обратного они не хотели идти. Как я их ни упрашивал.

Клим много всего написал. Он был очень доволен своим письмом. И отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия. На уроке Анна Петровна сказала:

– Очень многие прислали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

«Сейчас начнётся, – думал Клим. – В моём письме много героических поступков. Все будут хвалить меня и восхищаться».

Анна Петровна прочла много писем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.